

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 18, Is. 2, Pp. 324–341, 2025
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)+323.2
DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

Башкирские посольства к русскому царю XVII–XIX вв.: от консенсуса к ритуалу

Булат Ахмерович Азнабаев¹, Рамиль Насибуллович Рахимов²,
Альбина Фанузовна Валеева³, Дарья Алексеевна Щебетовская⁴

- ¹ Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 6, ул. Карла Маркса, 450077 Уфа, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1551-9783. E-mail: [azbulatt\[at\]rambler.ru](mailto:azbulatt[at]rambler.ru)

- ² Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой

 0000-0002-5642-6591. E-mail: [rakhimovrn\[at\]mail.ru](mailto:rakhimovrn[at]mail.ru)

- ³ Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
ассистент кафедры, аспирант

 0009-0004-8412-7072. E-mail: [alb213\[at\]mail.ru](mailto:alb213[at]mail.ru)

- ⁴ Московская высшая школа социальных и экономических наук (д. 3–5, стр. 1, пер. Газетный, 125009 Москва, Российская Федерация)
магистрант

 0009-0004-0449-7488. E-mail: [darya.kiselevskaya.01\[at\]yandex.ru](mailto:darya.kiselevskaya.01[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., Валеева А. Ф., Щебетовская Д. А., 2025

Аннотация. *Введение.* В истории России XVII–XVIII вв. известен феномен башкирских посольств к царю. Воцарение, последствия восстаний закреплялись с властью соглашениями. В XIX в. башкиры — почетные гости на коронациях. *Цель* исследования — изучить, как в XVII–XIX вв. консенсус между царем и башкирами сменился ритуалом; как депутации представляли

власть и башкир, что меняло их внутреннее наполнение. *Материалы и методы.* Использованы источники, выявленные в Российском государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики Российской империи, Национальном архиве Республики Башкортостан, а также опубликованные документы. Исследование опирается на историко-генетический метод, рассматривающий причины появления башкирских миссий к царю, их трансформацию — от обсуждения вопросов управления в демонстрацию имперского единства. *Результаты.* Право непосредственного доступа к верховной власти было закреплено в условиях договорного подданства башкир в середине XVI в. Данная привилегия не связывалась добровольностью подчинения, такой опыт имели и другие народы. Государство заключало соглашения с башкирами как с полукочевым народом, не имеющим институциональной элиты, способной принимать решения за своих подчиненных. Это вызвало необходимость перманентной корректировки соглашений с представителями башкирских родов в форме посольств к царю. По мере усиления военно-административного проникновения государства в башкирские земли необходимость согласования позиций обеих сторон становится излишней. Строительство Оренбургской пограничной линии в 40-е гг. XVIII в. привело к тому, что башкирские посольства ко двору теряют первоначальную функцию, превратившись в ритуал изъявления верности со стороны старшинской верхушки. Кантонная система создала элиту в лице кантонных начальников и башкирских дворян, подчиненных имперскому законодательству. Интеграционные процессы XIX в. наполнили прежнюю форму новым содержанием. Башкиры — участники коронации демонстрируют силу империи и единство народов под властью русского царя. *Выводы.* Условия вхождения башкир в состав России, наряду с вотчинным правом, исламом, самоуправлением, дополняют право непосредственного обращения к монарху. Оно реализовывалось в XVII–XIX вв. в форме башкирских посольств. Кризис между башкирами и верховной властью первой половины XVIII в. был преодолен привлечением их к охране границы, изменением модели контактов. Кантонные чиновники и башкирское дворянство, включенные в имперское пространство, демонстрировали на коронациях торжество империи.

Ключевые слова: Российское государство, башкирские посольства, восстания, подданство, йыйыны, коронации, управление

Для цитирования: Азнабаев Б. А., Рахимов Р. Н., Валеева А. Ф., Щебетовская Д. А. Башкирские посольства к русскому царю XVII–XIX вв.: от консенсуса к ритуалу // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 324–341. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

Bashkir Embassies to the Russian Tsar, Seventeenth–Nineteenth Centuries: From Consensus to Ritual

Bulat A. Aznabaev¹, Ramil N. Rakhimov², Albina F. Valeeva³, Daria A. Shchebetovskaya⁴

¹ Kuzev Institute of Ethnological Studies, Ufa Federal Research Center of the RAS (6, Karl Marx St., 450077 Ufa, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1551-9783. E-mail: azbulatt[at]rambler.ru

² Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Head of Department

 0000-0002-5642-6591. E-mail: rakhimovrn[at]mail.ru

³ Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)

Assistant Lecturer, Postgraduate Student

 0009-0004-8412-7072. E-mail: alb213[at]mail.ru

⁴ Moscow School of Social and Economic Sciences (Bldg. 1, 3-5, Gazetny Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

MA Student

0009-0004-0449-7488. E-mail: darya.kiselevskaya.01[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., Valeeva A. F., Shchebetovskaya D. A., 2025

Abstract. *Introduction.* The history of seventeenth- and eighteenth-century Russia is marked by the phenomenon of Bashkir embassies to the Tsar. Enthronements, consequences of uprisings were to be confirmed with corresponding government agreements. And in the nineteenth century, Bashkirs would become honored guests at coronations. *Goals.* The study aims to reveal how Bashkir-Tsar relations shifted from consensus to ritual throughout the seventeenth to late nineteenth centuries, how the deputations represented ethnic elites and the community at large, what changed their essentials and functions. *Materials and methods.* The work analyzes some related documents discovered at the Russian State Archive of Ancient Acts, Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, National Archive of Bashkortostan, and reviews a variety of publications. The historical-genetic method proves most instrumental in considering the reasons for the emergence of Bashkir embassies to the Tsar, their transformation from discussing governance issues to demonstrating imperial unity. *Results.* The right of direct access to Tsar was a stipulation of the mid-sixteenth century Bashkir contractual subjection. However, the privilege was not directly associated with the voluntary accession since other ethnic groups had somewhat similar experiences. The Russian government concluded an agreement with the Bashkir as a semi-nomadic people that had no institutional elites authorized to make decisions for the entire community. This demanded repeated reviews of once achieved agreements with representatives of Bashkir clans through embassies to the Tsar. The strengthening of Russia's military and administrative presence in Bashkir-inhabited territories made such coordination arrangements unnecessary. The 1740s construction of Orenburg Defense Line resulted in that Bashkir embassies to the court lost their original function only to turn into ritual visits of loyalty to be paid by newly appointed Bashkir executives. The canton system created elites of canton chiefs and Bashkir nobles directly subordinate to Orenburg Military Command. And the nineteenth-century integration processes filled the old form with a new content: henceforth Bashkir participants of coronation ceremonies were to demonstrate the Empire's power and the unity of peoples under the Russian Tsar. *Conclusions.* According to the accession terms, Bashkirs — along with hereditary land ownership, freedom of religion, and local self-governance — received the privilege of direct appeal to the monarch. This was exercised in the form of Bashkir embassies throughout the seventeenth to late nineteenth centuries. The early-to-mid eighteenth century crisis between the Bashkir and Russian government was overcome by involving the former in border defense and changing communication patterns. Canton officials and Bashkir elites in Russian service were supposed to show the triumph of the Empire at coronations.

Keywords: Tsardom of Russia, Bashkir embassies, uprisings, citizenship, *yiyin*, coronations, governance

For citation: Aznabaev B. A., Rakhimov R. N., Valeeva A. F., Shchebetovskaya D. A. Bashkir Embassies to the Russian Tsar, Seventeenth–Nineteenth Centuries: From Consensus to Ritual. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 324–341. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-324-341

1. Введение

Тема башкирских посольств к царю в XVII – первой половине XVIII в. известна в исторической литературе [Демидова 2003; Трепавлов 2007]. Связаны они были с необходимостью подтверждения заключенных

с Иваном IV условий вхождения в состав России новым царем, фиксации итогов переговоров после башкирских восстаний. Однако эта практика была продолжена и во второй половине XVIII–XIX в. Башкирские посольства в столицы, к верховной власти,

продолжаясь в течение трех веков, трансформировались под воздействием имперской политики от обсуждения конкретных вопросов, в первую очередь связанных с землевладением, до депутатий участников коронационных торжеств. Но и в последнем случае присутствие башкирских представителей на коронациях имело особый контекст. Тема не стала предметом отдельного исследования, хотя контакты власти с народами империи, символы и ритуалы в них как формы «репрезентации власти» актуальны [Кундакбаева 2005; Агеева 2012; Трепавлов 2018]. Предлагаемая статья анализирует причины появления и практику башкирских посольств к царю в XVII–XIX вв. на фоне меняющейся стратегии в политике Российского государства в отношении башкир.

2. Материалы и методы исследования

Статья написана на основе ранее неопубликованных источников, выявленных в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — НА РБ), а также опубликованных в сборниках документов.

Авторы исходят из тезиса о том, что башкирские посольства к царскому двору в XVII–XIX вв. представляли собой один из инструментов корректировки имперской политики на юго-восточной окраине России. В основу методологии статьи положен историко-генетический метод, рассматривающий феномен посольств как совместный поиск властью и башкирами решения проблем и их трансформацию в ритуал демонстрации имперского единства. Для понимания механизма организации и деятельности башкирских посольств XVII в. использован метод реконструкции на основании материалов первой трети XVIII в.

Во второй половине XVI в., после падения Казани, башкиры, приняв приглашение Ивана IV, добровольно вошли в состав России. Каждый род закреплял свои отношения с верховной властью отдельно. Башкиры сохранили вотчинное право на землю, ислам, местное самоуправление. Основной обязанностью, кроме уплаты ясака, стала военная

служба по охране юго-восточной границы. Изъятие земель, строительство крепостей, попытки христианизации, введение налогов привело к башкирским восстаниям XVII–XVIII вв. После переговоров стороны приходили к консенсусу, формируя отношения, учитывающие новые условия. Государство через перевод башкир в военно-служилое сословие и создание Башкиро-мещерякского войска, кантонную систему, инкорпорацию элит интегрировало башкир в империю. Вотчинное право, как один из элементов архаики, сохранилось вплоть до 1917 г. Оно сыграло свою роль в создании Башкирской автономии и участии Башкирского войска в Гражданской войне на стороне сил контрреволюции. Подписание соглашения между РСФСР и Башкирской автономией в Москве в марте 1919 г. было воспринято положительно, так как повторяло в представлениях башкир практику взаимодействия с верховной властью.

3. Причины появления практики башкирских посольств

В своем фундаментальном исследовании, посвященном праву Золотой Орды, Р. Ю. Почекаев утверждает, что монголы не видели необходимости соблюдать иерархию среди покоренных ими народов. Все население Золотой Орды (а также представители иностранных государств — дипломаты и торговцы), за исключением царевичей-чингизидов, составляло общую массу, обязанную подчиняться воле хана и назначаемых им чиновников и военачальников, поэтому сословная принадлежность подданных не имела значения [Почекаев 2009: 153]. Соглашаясь со всеми положениями этой интересной работы, отметим, что данный тезис требует более взвешенного подхода.

Создатели великой империи отнюдь не игнорировали главный принцип управления сложными в этнополитическом отношении государствами — «divide et impera». Монголы умело использовали фактор неравенства не только для поддержания напряженных отношений между подданными, но и с целью создания необходимого резерва для рекрутирования имперской элиты.

Сегрегация новых подданных производилась уже на этапе подчинения. Фактор

добровольности принятия подданства позволял покоренной знати сохранить не только жизнь, но и своего рода политическую субъектность. К примеру, русские князья получали от хана ярлык на княжение, башкирские бии — тарханные ярлыки, а правители Булгара или половецкие князья ярлыков не получали. Сам по себе факт вручения ярлыка утверждал право на прямую коммуникацию с ханом. Об этом, в частности, писал К. А. Соловьев, отметивший, что ярлыки предоставляли привилегию вести дела с Ордой. Те князья, которые непосредственно не взаимодействовали с ханом, вообще не нуждались в получении ярлыков. На Руси же князья на основании ярлыка требовали подчинения других князей и населения в целом [Соловьев 2017: 162–164]. Аналогичные права были закреплены и за тарханами, которые, наряду с налоговым и судебным иммунитетом, получили право непосредственного обращения к главе государства, имели привилегию входить к хану в любое время и ехать рядом с ним во время походов и выездов [Шапшал 1953: 304–316]. Вспомним, что из всех биев девяти родов, присягнувших хану, только уйшин Майкы получил возможность сесть в одну повозку с Чингис-ханом [Башкорт 2004: 172].

Можно ли говорить об иерархии подданства, основанной на привилегии прямого доступа к верховному правителю? К. Шмитт, детально разобравший этот вопрос в своем трактате «Понятие политического», усмотрел в этом праве едва ли не единственный путь соучастия подданных во власти в условиях неограниченной монархии. Он, в частности, писал: *«Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или группы людей как на верхушке, тем больше обостряется проблема „коридора“ и доступа к этой верхушке. И тем яростнее, отчаяннее и молчаливее становится тогда борьба меж теми, кто оккупировал предпространство и контролирует „коридор“... Проблема доклада у короля есть ключевая проблема всякой монархии вообще, потому что это проблема доступа к верхушке...»* [Шмитт 2016: 422].

На основании выписок из коллективных челобитных башкир, случайно обнаружен-

ных Н. Ф. Демидовой в книгах фонда Печатного приказа, было установлено, что привилегией прямого обращения к государю обладали не только тарханы, но и все башкиры [Демидова 2003: 180]. Она выяснила периодический характер башкирских посольств к царскому двору, в ходе которых снимались конфликтные вопросы, возникающие после соглашения о подданстве середины XVI в. Любопытно, что до открытия Н. Ф. Демидовой истории имели представления об отправке башкирами своих представителей в Москву. Однако предполагалось, что инициатором подобных миссий выступала российская сторона. К примеру, в ходе башкирского восстания 1662–1664 гг. уфимский воевода А. М. Волконский настаивал на отправке башкирских представителей в Москву. Башкиры же отвечали воеводе, что уже были «на Москве», но *«челобитные до великого государя те бояре не доносили, и им де по тем челобитным указу не учинено»* [Материалы 1936: 171]. Ничего подобного мы не встречаем у кабардинцев, ногаев или калмыков. У всех народов, добровольно признавших подданство русского царя в XVI–XVII вв., привилегию отправки посольств ко двору имели только представители институциональной элиты.

4. Чьи интересы представляли посольства?

Итак, привилегией обращения к царю обладали не только тарханы, но и все башкиры. Почему башкирским тарханам, в отличие от русских князей, не удалось закрепить это право за собой? Дело в том, что у потомков Рюрика были свои уделы, а башкирские тарханы обладали суюргалами только на территории Казанского ханства. В Ногайской же Башкирии, как и на территории Уфимского уезда, тарханы не обладали никакими особыми правами в отношении земельной собственности. Они были такими же равноправными общинниками, как их ясачные единоплеменники.

Еще П. И. Рычков обратил внимание на бесконтрольный рост численности башкирских тарханов. Он, в частности, отмечал, что в середине XVIII в. башкир, не платящих ясак из-за пожалованных еще при Ива-

не IV тарханных грамот, насчитывалось более 50 тыс. [Добросмыслов 1900: 20]. По очень приблизительным данным кунгурского бургомистра Юхнева, в 1726 г. численность башкир колебалась от 150 до 170 тыс. человек обоего пола [Материалы 1936: 485]. Таким образом, башкирская «элита», по свидетельству компетентных служащих, составляла от 25 до 30 % всего населения. Интересно, что А. З. Асфандияров полагал, что автор «Топографии Оренбургской» не сильно преувеличивал. Средняя населенность тарханского двора составляла 28 человек. В 1745 г. в Оренбургской губернии насчитывался 1 431 тарханский двор [Асфандияров 2006: 31]. В отличие от русских или татарских дворянских родов башкирским тарханам вырождение не грозило.

Никоновская летопись вообще не делает никаких различий между башкирами и тарханами. В ней есть страна «Башкирда», но нет башкир. Еще Д. М. Исхаков установил, что в перечислении этносов Казанского ханства автор летописи под тарханами называет именно башкир [Исхаков 1998: 62]. В конечном счете было решено, что правом обращения непосредственно к царю обладают не только тарханы, но и все, кто представляет башкирский народ.

Отдавая дань уважения Н. Ф. Демидовой за сам факт обнаружения ею «башкирских посольств», мы все же считаем необходимым уточнить ряд ее положений. Во-первых, Н. Ф. Демидова считает, что, поскольку субъектом вотчинного права являлась каждая отдельная башкирская родоплеменная структура, но не весь башкирский народ, то и башкирские посольства представляли собой выборных людей от каждого рода. В этом есть определенная логика и исторический смысл. Ведь и российское подданство принимало каждое родоплеменное объединение, но не весь народ. В такой ситуации в башкирских посольствах следует видеть представительство кланов, слабо пекущихся об общих нуждах. Однако Н. Ф. Демидова затрудняется ответить на вопрос, к какой родоплеменной группе и территориальному району принадлежали башкирские послы, направлявшиеся в Москву в XVII в.?

Если следовать концепции Н. Ф. Демидовой, то родовая знать должна была отстаивать интересы только своих кланов. Тем не менее она отмечает, что некоторые обращения башкирских посольств были направлены от всего башкирского народа. Во-вторых, исследователь утверждает, что основные права и обязанности башкир были закреплены в жалованных грамотах, полученных ими в ходе добровольного принятия российского подданства. Основной же целью посольских миссий башкир являлась конкретизация и уточнение положений жалованных грамот середины XVII в. [Демидова 2003: 180].

Многие вопросы о башкирских посольствах удалось бы снять, если бы Н. Ф. Демидова не ограничилась лишь выписками из материалов Печатного приказа — слишком лаконичных и мало информационных. В 1722, 1728 и 1733 гг. башкиры отправляли свои посольства в Санкт-Петербург, как отмечали сами башкиры, «по древнему их обыкновению». Если о посольствах XVII в. сказать что-то конкретное трудно по причине полной утраты архива Приказа Казанского дворца, то иностранный отдел Сената в XVIII в. фиксировал переписку, входящие и исходящие документы вполне добросовестно. Таким образом, реконструкция организации и деятельности башкирских посольств XVII в. на основании материалов первой трети XVIII в. не выглядит не оправданной модернизацией.

В делах Сената отмечено, что башкирским посольствам 1722, 1728 и 1733 гг. предшествовали собрания представителей башкирских родов под Уфой на реке Чесноковке. Мирские сборы под Уфой известны со времени башкирского восстания 1662–1664 гг. [Материалы 1936: 165]. Эти съезды, по утверждению многих уфимских администраторов, собирались на семик, т. е. на седьмой четверг после православной Пасхи. В 1733 г. семик пришелся на 10 июня. Посольство прибыло в столицу в начале июля 1733 г. [Азнабаев, Кортунов 2021: 1111]. Сама традиция календарной ориентации башкир по православным праздникам кажется странной. Однако, как утверждают этнографы, православный календарь для

местного населения был все же удобней мусульманского лунного.

Любопытно, что мотивация отправки башкирских посольств могла существенно отличаться. В преамбуле коллективной челобитной от башкирского посольства 1728 г. указано: «В бытность в Москве башкирца Яркея Янчурина с товарищи прислано от всех четырех дорог своей братьи башкирцев для поздравления императора Петра III с принятием российского престола и для донесения о препорученных ему делах» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 2]. Если посольство 1728 г. состояло из 25 делегатов, представлявших 18 волостей, то в материалах посольства 1733 г. отмечено, что «...в челобитной Уфинского уезду четырех дорог башкирцов за руками и тамгами написано, выбрали-де они ис тех дорог от каждой по одному человеку и послали к ея императорскому величеству с их покорнейшим прошением. А с сим всеподданнейшим прошением по мирскому выбору и за подписанным мирским знаком отправили мы ниже именованные башкирцы четырех человек башкирцов, а именно первого Ногайской дороги деревни Буржан Коджа батыря Кутлуева, второго Сибирской дороги деревни Коичи Капас батыря Байшанова, третьего Казанской дороги деревни Елдек Ахметмуллу Бураева да Ибрагима Кутаева» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 28]. Таким образом, участники посольств определялись от башкир всех дорог «по мирскому выбору» в результате общего собрания под Уфой [Азнабаев, Кортуннов 2021: 1115]. В XVII – первой половине XVIII в. башкиры в административном отношении подразделялись по неравным по размерам единицам «дорогам» — Казанской, Осинской, Сибирской, Ногайской.

Российская государственная практика заключения соглашений такой категории как «народ» не знает. В XVII – первой трети XVIII в. ногаи, калмыки и казахи приняли российское подданство в форме присяги (шерти) русскому царю своих правителей (бия Исмаила, тайши Дайчина и хана Абулхаира) [Азнабаев, Кортуннов 2021: 1114]. Очевидно, что башкиры, избранные на народном собрании, представляли единую политическую структуру, которая, по сви-

детельству уфимских властей, называлась «Башкирской ордой». В источниках отмечается, что она «бывает в сборе в Уфе на реке Чесноковке» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 421]. Выбор места для собраний имел символическое значение. Чесноковка была тем водоразделом, который отделял земли, добровольно предоставленные башкирами под строительство города Уфы в 70-е гг. XVI в. и башкирские вотчины.

В каком случае ежегодный сбор принимал решение об отправке своих представителей к царю? Согласно исследованию Н. Ф. Демидовой, в том случае, если представители башкир не могли добиться от местных властей удовлетворения своих претензий, то им предоставлялось право отправить выборных челобитчиков в столицу для решения их вопроса на более высоком уровне [Демидова 2003: 181]. При этом местные власти были обязаны предоставить башкирским выборным представителям все необходимое для благополучной миссии. К примеру, посольство 1728 г. получило не только оплату проезда до столицы и обратно, но и вооруженную охрану, полное обеспечение на все время пребывания в Петербурге (65 дней) и 200 рублей жалования из Коллегии иностранных дел [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 2].

Таким образом, замечание Н. Ф. Демидовой о том, что посольства состояли из представителей родоплеменной знати, которые отстаивали интересы своих кланов, представляется неверным. В Москву отправлялись выборные «мирские люди», представлявшие всех башкир — «Башкирскую орду».

5. Пересмотр отношений с башкирами Петром I

Судя по документам Уфимской приказной избы, до начала восстания 1704–1711 гг. последнее посольство в Москву имело место в конце сентября 1695 г. [РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1185; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1194; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1200; РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1209] Напомним, что именно в сентябре 1695 г. в Приказе Казанского дворца началось слушание судебного дела по челобит-

ной башкир Зауральских волостей, обвинивших беломестных казаков и крестьян десятка слобод Тобольского уезда в захвате вотчинных земель. Процесс закончился передачей башкир Тобольского уезда из ведомства Сибирского приказа в управлении администрации Уфимского уезда [Материалы 1936: 85–96]. Вместе с тем личной аудиенции послов с Петром не было. В этот период молодой царь руководил подготовкой к проведению второго штурма Азова. Однако есть вероятность, что башкирам показали сопровителя Петра — Иоанна V, которого при необходимости привлекали для участия в ритуальных мероприятиях.

В конце октября 1704 г. правительство Петра I кардинально пересмотрело все традиционные отношения с башкирами. В феврале казанские власти, получившие полномочия центрального ведомства по управлению Поволжьем, заявили башкирам, что прежняя их привилегия обращения непосредственно к главе государства отныне не будет рассматриваться как преступление [Материалы 1936: 149]. Когда же башкиры, проигнорировав запреты Казани, решили добраться до царя, то вся делегация была арестована по его приказу. Руководителя посольства повесили, а его товарищей били кнутом и бросили в тюрьму [Материалы 1936: 150]. В крае вспыхнуло одно из крупнейших восстаний, исключившее башкир из подчинения России до 1722 г.

В 1708 г. правительство официально обратилось к восставшим с предложением объяснить причины недовольства. Башкиры ответили тем, что их попытки достучаться до властей законным порядком закончились казнями и тюремным заключением. Поэтому никакого иного способа донести до царя правду они не имели [Фирсов 1871: 344]. Многолетнее массовое насилие осуществлялось башкирами только с целью обратить на себя внимание царя. Эту особенность башкирских восстаний также отметил В. В. Трепавлов [Трепавлов 2007: 73]. Башкиры считали, что царь имеет полное право наказывать своих подданных, но не вправе игнорировать их. Что же касается факта убийства выборных башкир, то едва ли российская сторона придавала башкирской

делегации статус дипломатических представителей, чья неприкосновенность охраняется обычаем священного статуса посла.

В России XVII в. привилегия прямого доступа к главе государства распространялась на узкий круг государственных служащих. Впервые запрет на прямое обращение к царю был введен указом 1639 г., который разрешал подачу царю челобитной только в случае наличия информации о государственных преступлениях [Российское 1985: 260]. Обращения башкир под этот запрет тогда не попали.

Для башкир утрата привилегии непосредственного обращения к царю снижала их статус до положения народов, не имевших никаких соглашений с царем. При этом шерть предполагала присягу не институту государства, а личности конкретного монарха. Поэтому башкиры присягали каждому вновь провозглашенному царю. Эта ритуальная традиция сохранялась у башкир и в XIX в.

На каком основании башкиры считали, что вправе обладать привилегией прямого обращения к монарху? Одного фактора добровольного принятия подданства было не достаточно. Примером тому являются чуваша Казанского ханства, которые не только добровольно вошли в состав России, но и приняли участие в военных действиях против своих бывших правителей. Башкиры считали, что их привилегированный, по сравнению с другими народами, статус вполне оправдывается их службой.

Свое привилегированное положение в Российском государстве башкиры осознавали. В 1733 г. представители башкирского посольства в первом же обращении к Анне Иоанновне заявили: *«Как предки ея императорского величества, так и ея императорское величество, в высочайшей императорской милости содержать изволят и всякие вины им прощает и перед прочими провинциями их Уфимскую провинцию в особливой милости содержаться и се де прошение их за благо приемлются и во всех де указах как высочайшая императорская милость явлена»* [РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 821. Л. 34].

6. Анализ челобитных башкирских посольств 1728 и 1733 гг.

Посольство 1728 г. было первым после смерти Петра I и вторым по итогам башкирского восстания 1704–1711 гг. Его главное требование было выражено в первой же коллективной челобитной: «...башкирцы никогда под ведением Казани не были, а был на Уфе только один воевода» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 14]. Несмотря на противодействие уфимских и казанских властей, препятствовавших отправке посольства, башкирам удалось не только прибыть в столицу, но и добиться изъятия управления Уфимской провинции из ведомства Казанской губернии в том же году. Именно по ходатайству башкир Уфимская провинция была передана в особое ведение Сената. Во второй челобитной башкиры жаловались на таможенную службу Уфимской провинции, которая была организована по принципу разъездных канцелярий. Согласно законодательству, любая купля-продажа подлежала таможенному сбору. Через своих осведомителей таможенники заранее узнавали о факте заключения, как правило, довольно ничтожных сделок (продажа курицы) и беспощадно штрафовали провинившихся, собирая по 20 и по 100 рублей. Башкиры указывали, что с момента принятия подданства подобных сборов не осуществлялось, однако эта челобитная осталась без ответа [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 678].

В третьей челобитной, также поданной от башкир всех четырех дорог, говорилось о нарушении вотчинных прав всех башкирских волостей: «а уфимские, и сарапульские, туринские, каргапольские и дуванские, тако же и иченцы откупщики владеть не дают, а сакмарские обыватели наших ясачных людей владеют насильно, из которых земель в вашу императорского величества казну мы ясаку платим» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 34]. В четвертой челобитной башкиры просили освободить из-под стражи заложников — аманатов. В пятой челобитной посланники сообщили властям, что они отправили в столицу вопреки приказу уфимского воеводы: «...наши судьи нам паишпортов не дают, а ныне и не отпустили, токмо приехал к нам от госпо-

дина губернатора подполковник Михайла Языков для своих нужд ко мне Яркею, и я, Яркей, с ним Языковым его нужду отправлял и при том мы собравшись всем миром большие и малые ему подполковнику Языкову плакали и доносили, что наши судьи когда мы пожелаем ехать в Москву к его императорскому величеству не отпускают и он подполковник наши слова писал к казанскому губернатору Василию Никитичу Зотову, а губернатор писал ежели кто из нас пожелает ехать в Москву или Петербург отправить немедленно» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 40]. Башкиры просили восстановить их привилегию прямого обращения к царю, минуя инстанцию уфимского воеводы.

В шестой челобитной вновь поднимается вопрос о таможенных пошлинах, но теперь уже при продаже товаров на ярмарках. Башкиры ссылались на указ 1674 г., согласно которому пошлину с покупаемых у башкир товаров должны платить покупатели, но не продавцы: «...потому что город Уфа дальней и украинной и другим городам не в пример» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 45].

Еще одна челобитная, поданная от башкир Булярской волости, в правовом отношении затрагивает проблему взаимоотношения между всеми башкирами и их припущенниками. В ней, в частности, говорится о том, что «...застарелые бобыли, которые платили в помочь им волостным башкирцам окладном ясак, в который платеж ясаку припускали без совету всех волостных башкирцов и те бобыли владели вотчинной землей бортными угодьями и звериными и птичьими ловлями, а другие и ныне владеют, а особливого бобыльского ясака не платят и в ясак не написаны, от которого они бобыльского в вотчине их всякого владения чинятся им башкирцам не малые обиды и изнурения и платят они бобыли подможный ясак и называются башкирцами» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 1. 1728. Д. 1. Л. 41].

Одно прошение последовало от всех тептярей, бобылей, ясачных татар, мари и чуваш Уфимского уезда. Они просили освободить их от воеводской работы «...и на мельничные поделки не посылать, а ве-

лено им платить положенных бобыльский куничный ясак и ямские полоняничные и подъемные деньги, а ныне Уфимской провинции командиры за оной грамотой посылают их ясачников на казенные мельницы во всякие работы, тако же и берут с их дорог в Уфу подводы» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 740. Л. 32]. И только два прошения 1728 г. касаются нарушения частных интересов отдельных башкир-вотчинников.

Из общего числа прошений, направленных на имя императрицы Анны Иоанновны в 1733 г., более половины челобитных (68 %) касались вопросов, связанных с отношениями между Российским государством и башкирским народом. Лишь в 12 % челобитных башкиры пытались решить вопросы, связанные с личными интересами. К примеру, знаменитый тархан, участник азовских походов и один из вождей восстания 1704–1711 гг. Алдар Исекеев хлопотал о пожаловании тарханства своим родственникам [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 139]. Мулла Катка Токаев выступал за отведение в вотчинное владение башкирам Иланской волости двух перевозов на реке Белой [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 211]. Башкиры одной из волостей (Гайна) просили царицу вывести их из-под юрисдикции уфимских властей [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 309], а Муса Истеков из Уранской волости обвинял уфимского подьячего Кирилла Панкова в укрывательстве за взятки русского конокрада и вымогательстве денег с истца [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 371].

Эти прошения свидетельствуют о том, что башкирские посольства защищали не только интересы всего башкирского народа, но также не оставляли без внимания желания отдельных родовых структур и даже индивидуальные просьбы башкир. Интересно отметить, что более 30 % подданных челобитных вообще не имели никакого отношения к башкирам. Башкирские представители доставили в столицу и предъявили властям прошения от тептярей, бобылей, казахов, ногайцев, калмыков и русских.

В своем исследовании Н. Ф. Демидова тоже обратила внимание на то, что башкирские посольства XVII в. нередко защищали

интересы небашкирского населения. Однако ее предположение о том, что тептяри, бобыли и мишари просто пользовались оказией, звучит неубедительно [Демидова 2003: 185]. Ни один представитель из перечисленных сословий и народа не имел право непосредственного обращения к царю. В таком случае возникает вопрос: почему выборные башкиры брали на себя роль ходатаев за представителей других народов Уфимского уезда? Все дело в том, что все нерусские народы, даже служилые мешчеряки (мишари), являлись «населниками» башкирских вотчинных земель. Согласно вотчинному праву, они считались припущенниками башкир, и, следовательно, могли входить в отношения с Российским государством только через посредство башкир.

Вместе с тем одно прошение, подданное башкирами в 1733 г., явно выбивается из юридической логики. Это челобитная двух поповичей из Тары, выбежавших из казахских степей [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 372]. Любопытно, что они приняли ислам в казахском плене, некоторое время жили у башкир. Башкиры отобрали у поповских детей украденный у казахов скот и калмычек, на которых они были женаты. Тем не менее русские беглецы добились того, чтобы их поверстали в уфимские дворянские роты.

Что же касается утверждения Н. Ф. Демидовой, что целью посольств являлась уточнение и конкретизация основных положений жалованных грамот XVI в., то начнем с того, что никаких переговоров в Москве и Санкт-Петербурге башкирские послы не вели. По этой причине, строго говоря, эти миссии посольствами назвать нельзя. Не было у башкирских послов никаких заранее заготовленных протоколов переговоров — статейных списков. Более того, выборные «мирские люди» никакой представительской властью не обладали, и решать что-либо за «Башкирскую орду» они не имели права. Сами башкиры неоднократно заявляли, что коллективные челобитные, отправленные без мирского согласия, являются «составными», т. е. поддельными [РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 115. Л. 798].

Однако если «выборные мирские люди» выступали в роли писмоношцев, то нельзя

ли было бы ограничиться более дешевым способом отправки посланий с оказией или с специально нанятым нарочным? Очевидно, что в данной ситуации для башкир значение имел сам факт прямой коммуникации с высшей властью. Не случайно, что башкиры не высоко оценивали поездки в Москву без непосредственной аудиенции с царями. К примеру, в разгар первого восстания 1662–1664 гг. уфимский воевода А. М. Волконский неоднократно обращался ко всем башкирам с призывом послать своих представителей в Москву. Однако ответ, письменно данный воеводе, свидетельствовал о полном разочаровании всех башкир в результативности подобных миссий. Они указали на то, что задолго до своего выступления посылали представителей с жалобами в Москву, но никаких указов от правительства не последовало [Материалы 1936: 169]. О том, что башкиры говорили правду, свидетельствуют многочисленные коллективные челобитные о неслыханных действиях реквизиционной команды А. И. Приклонского, поданные в 1661 г. в Приказ Казанского дворца [РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 164. Л. 26, 31, 32]. Власти и башкиры прекрасно понимали, что спровоцировало восстание в 1662 г. Возможно, по этой причине в наказе уфимскому воеводе Ф. И. Сомову в 1664 г. особо отмечено, что к представителям башкир в Москве «*пожаловал великий государь, велел видеть свои государские пресветлые очи*» [Документы 2012: 64].

7. Башкирские посольства в столицы 40–60-х гг. XVIII в.

Принципиально меняются характер и цели башкирских посольств после восстания 1735–1740 гг. Запрещенная указом 11 февраля 1736 г. традиция созыва башкирских народных собраний лишила смысла отправки к царице выборных представителей народа. Теперь обращение к верховной власти могло быть только в рамках ею оговоренных норм — принесения поздравлений с восшествием на престол. В 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы Петровны в Москве направилась депутация от башкир и мещеряков (совр. мишари). В ее

составе были представители с Казанской дороги, Каршинской волости Мухамет Шарып Мряков; Осинской дороги, Елдятской волости Ахмер мулла Асанов; Сибирской дороги, Сунларской волости Якуп чин Мурзин; Шайтан-Кудейской волости Шиганай Бурчаков; Ногайской дороги, Каратабынской волости Кидрясь Муллакаев; мишарский старшина Яныш Абдуллин. Депутацию сопровождал переводчик Шафей Янайдаров. Вероятно, в состав депутации входили сотники Итиней Килмаев, Ибраш Кутуев, Темир Мути [РГАДА. Ф. 248. Оп. 5. Д. 249. Ч. 1. Л. 154–154об.].

Члены депутации присутствовали на коронационных торжествах, были приняты императрицей, преподнесли ей подарок — шкурки соболей. Депутаты были информированы о том, что готовится смена руководства краем. Они имели целью подачу прошения «о мирских нуждах», но по каким-то причинам не сделали этого. От императрицы депутаты получили Похвальную грамоту. В ней отмечалась их верная и прилежная служба во время башкирского восстания 1735–1740 гг. Прежние заслуги упомянуты одной фразой: «*предкам нашим, служили верно и прилежно*» [Рахимов 2001: 38]. Члены депутации получили награждение саблями, сукном и деньгами. Грамота была получена И. И. Неплюевым в Оренбурге 17 октября 1742 г. Согласно указанию Коллегии иностранных дел, И. И. Неплюев отправил ее в Уфу, вице-губернатору П. Д. Аксакову для изготовления копий каждому участнику депутации и хранения подлинника в Уфимской провинциальной канцелярии [Рахимов 2001: 39]. Отметим, что со второй половины XVI в. башкиры — подданные России, но их депутацию контролирует Коллегия иностранных дел.

В Башкирии поездка с поздравлением императрице и получением наград приобрела скандальный характер. Башкирские старшины и тарханы обратились к П. Д. Аксакову с жалобой на то, что «*в грамоте указано, что она дана всему башкирскому народу, т. е. старшинам, тарханам и батырям в верности бывшим в прошедшие башкирское замешание, а не одним тем старшинам кои в Москву ездили, то и здесь*

бывшим означенную милость по их заслугам получать как верным рабам небеспрелично, дабы они не могли остатся обижены пред своего братиею означенными в предупоминаемой грамоте старшинами, ибо де они невиноваты, что были при своих должностях, а другие ездили и получили награждение» [АВПРИ. Ф. 108. Оп. 108/1. 1743. Д. 1. Л. 2об.]. Поездка депутации в Москву привела к брожению среди башкирских и мецкеряжских элит. Обнаружились жалобы на притеснения и поборы со стороны старшин и особенно переводчиков Романа Уразлина и Шафея Янайдарова. Однако недовольство погасло в связи с назначением вместо Л. Я. Соймонова во главе Оренбургской комиссии И. И. Неплюева [Рахимов 2001: 40].

Башкирское восстание 1755 г., вошедшее в историю как «восстание Батырши», было подавлено в связи с назначением вместо Л. Я. Соймонова во главе Оренбургской комиссии И. И. Неплюева в 1756 г. Восстание имело свою особенность. Башкиры выступили против отказа государства от прежних договоренностей и активного горнозаводского строительства в крае, но идеолог восстания, мишарский мулла Батырша, пытался придать ему характер «священной войны против неверных». Правительство понимало, что в новых условиях (строительство Оренбургской пограничной линии, освоение природных богатств Южного Урала) необходим консенсус. Тем более ожидалась война с Пруссией, и армия нуждалась в башкирской коннице.

15 апреля 1756 г. вышел сенатский указ об отправлении депутации башкирских и мецкеряжских старшин для «принесения Ее Императорскому Величеству за оказанные к тому башкирскому народу высочайшие милости всеподданнического рабского благодарения и уверения их башкирской подданнической верности» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 1]. Указ вводил «норму поездок» в столицу. С каждой дороги направлялись два человека, включая старшину. Депутации предоставлялся конвой и подводы. На будущие поездки в Санкт-Петербург и Москву для «принесения Ее Императорскому Величеству всеподданнического рабского поклонения» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447.

Л. 1] разрешались через два года. После отмены практики башкирских посольств Петром I этот документ фиксировал возврат во взаимоотношения верховной власти и башкирских элит на уровень XVII в.

Сама поездка состоялась в 1759 г. Вначале к местному руководству явились башкирские старшины Абдулла Каскинов, Муслюм Машаров, сотник Септяж Нуркеев, башкиры Чуракай Касимов и Зайсан Юсупов, пожелавшие выехать к царице. В Оренбурге выяснили, что они не согласны с проводимой администрацией политикой в крае. Известно было, что они хотят говорить «о дозволении их здешнюю Илецкою солью без покупки и указов против прежних времен довольствоваться; дабы их от ардинарных нарядов и командирование на здешнюю пограничную линию для содержания с прочими здешними воинскими регулярными и нерегулярными командами осторожность и уволить; чтоб по в построенным в здешней губернии в Башкирии заводы как отведенные по указом ЕИВ так и самими башкирцами из своей воли проданные земли все в прежнее свое владение получить, а вместо б всего прежнего основания тем заводам, от них башкирцов по договорам те земли за наем брать» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 3]. Администрация выбрала новый состав депутации: башкирские старшины Исецкой провинции Таймасов тархан, Куртбай Ишбаев, Сибирской дороги Миндияр Аркаев, Шиганан Бурчанов [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 4].

В итоге разбора по фактору лояльности башкир депутация выглядела так: Сибирской дороги Исецкой провинции старшина Абдулла Каскинов, башкирец Башки Килтянов, Ногайской старшинский помощник сотник Селтяш Нуркеев, сотник Мратша Сыртланов, Казанской дороги старшина Темир Мютин, которой при пятисотной Башкирской команде и в Прусском походе при главном старшине помощнике был; Осинской дороги башкирец Юзей Карманов, от мецкеряжского Казанской дороги старшина Алкей Муслюмов, в помянутом же прусском походе при пятисотной мецкеряжской команде главным старшиной находившемся; да рядовые той же Казанской дороги Мендей Тупеев, Исецкой провинции

знатного мещеряцкого старшины Муслюма Аширова сын Габдулмянян Муслюмов, и того девять человек [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 5].

Пояснялось, что норма в восемь человек увеличилась, поскольку «помянутой башкирский старшина Абдулла Каскинов он в против других старей да и в службу употребляем бывал неоднократно по знатным и секретным делам в Киргиз-кайсацкую орду, и чему и впредь, а особливо при нынешних заграничных обстоятельствах не бесполезно» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 6]. Двое заслужили право отправиться в посольство как участники Семилетней войны (Прусский поход 1757 г.).

Итого в столицу выехало девять человек, в том числе: трое старшин, старшинский помощник, сотник, четверо башкир. При депутации было четыре башкира-конюха, в охране вахмистр и трое солдат. По дороге умерли старшина Абдулла Каскинов и Баиш Килтянов. Темир Мютин умер, уже находясь в Санкт-Петербурге, 23 декабря 1759 г. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1147. Л. 9, 15]. Эту поездку также курировала Коллегия иностранных дел.

После аудиенции, подачи прошений и обсуждения дел, депутация собралась «в свои дома» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1147. Л. 11]. Сенат обеспечил дорогу подводами и прогонными деньгами по нормам приезжающим казакам Запорожского войска. Участники посольства не забыли и про себя. Перед отъездом они просили наградить их указами, саблями и кафтанами. В итоге они получили просимое на общую сумму в 582 руб. [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1447. Л. 10–17].

Известна жалоба, поданная в сентябре в Сенат старшиной Темиром Мютиным и башкиром Юзеем Кармановым «с товарищи» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1451. Л. 1–10б.]. В ней были два пункта. Первый касался переселенцев из народов Поволжья, явочным путем захватывающих земли башкирских родов: «В землях наперед сего наших жалованных без покупок и без дозволения по оброку от нас селятся и сильно завладеть надерзали, а ныне некоторые сверх покупных и в оброк отданных урочищ не

только в наших угодьях сильно причиняют многие обиды, но и селится зачинают». Второй касался позиции местной власти в конфликтах башкир с русским населением: «русские и новокрещенные казаки всему нашему башкирскому народу разными случаями отягочительные обиды и разорения причиняют, а в Оренбургской губернской канцелярии они несудимы» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1451. Л. 1–2].

Следующая поездка готовилась по инициативе башкир в связи с коронацией нового императора Петра III. 1 апреля 1762 г. к оренбургской администрации обратились: «Ногайской дороги Сувун-Кипчакской волости Салтяш Нуркеев, Ямансара Япаров, Бурзянской волости Мутай Айткулов, Усерганской, Карагул Чакыров, Буимас-Кипчацкой Кинзя-абыз Арасланов, Тамьянской Таймас Кутлин, Муса Иманов, да поселенных по Сакмаре реке при Желтом редуте переведенных из Астрахани кондоровских татар Адил мурза с племянником ево Акмурзюю, и просили у меня помянутые старшины позволения о выборе им Уфимского уезду из всех старшин достойных людей надлежащего числа и об отпуске их старшин и мурз к высочайшему ЕИВ двору для принесения ЕИВ верноподданнического их рабского поклонения и поздравления ЕИВ с благополучным возшествием на Всероссийский Императорский наследный престол» [РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1412. Л. 1]. Местная власть, сославшись на весеннюю распутицу, предложила к лету самим выбрать необходимое количество старшин, и после утверждения их она была готова отправить в столицу.

Башкирская депутация присутствовала уже на коронации Екатерины II. Но затем, по замыслу императрицы, просьбы с мест в империи должна была заменить деятельность Уложенной комиссии 1767 г. От башкирского народа депутатами были Базаргул Юнаев и Туктамыш Ишбулатов.

Общение с нерусскими народами со стороны верховной власти при Екатерине II получило новое наполнение. Кроме демонстративного внимания к мнению народа через депутатов Уложенной комиссии, включались и иные механизмы. В путеше-

ствиях императрицы торжественность обрядов приобщала местные элиты к политической культуре Российского государства [Ибнеева 2009: 214]. В столице приезжающие отправлялись к обер-шталмейстеру Л. А. Нарышкину, который был *«гостеприимцем и угодителем всех азиатских народных старшин, приезжавших с поклоном к Екатерине или по делам»* [Глинка 2004: 148–149]. В итоге у башкир, несмотря на серьезный конфликт с властью во время восстания Е. Пугачева, сложилось уважительное отношение к императрице, ее они рассматривали как «бабушку-царицу», справедливую и могущественную [Трепавлов 2007: 59].

8. Новая форма посольств в XIX в. — делегации от народа на коронации

С конца XVIII в. возможность контактов с верховной властью для нерусских народов России, в том числе и для башкир, расширилась. Сюда добавились военные смотры национальной конницы — башкир, мещеряков, калмыков, крымских татар. Большую роль по-прежнему играли венценосные путешествия. Башкиры встречали царя Александра I во время его путешествия по России в 1824 г. Церемония также сопровождалась смотром войск. В 1837 г. в Оренбургской губернии побывал наследник — Александр Николаевич, будущий император Александр II.

Во время коронации Николая I в 1826 г. в Москве башкир представляла делегация от Башкиро-мещеряцкого войска [Сви́ннин 1827: 371–372]. Вместе с делегацией от Ставропольского калмыцкого войска, представителями народов Кавказа и азиатской России она находилась на Соборной площади Кремля. По мнению американского исследователя Р. С. Уортмана, при Николае I *«церемонии и риторика превращали народ в фикцию мифа, в хор, прославляющий господство царя и государства»* [Уортман 2004: 706]. Однако в отношении башкир имели место более глубокие основания. Как иррегулярное войско они имели заслуги в Отечественной войне 1812 г. Не случайно башкирская делегация присутствовала на торжествах на Бородинском поле в 1839 г. [Рахимов 2014: 532].

В 1856 г. в Москву на коронацию Александра II была приглашена делегация башкир. Она была включена в состав большой группы *«азиатских народов, которые покорились России»*, в числе которых наряду с башкирами были черкесы, абхазы, калмыки, казанские и крымские татары и т. д. [Ильинский 1883: 82–83]. Для них в центре Соборной площади Кремля выделили почетное место рядом с турецким и персидским посланниками [Ильинский 1883: 85]. Но и в данном случае представительские функции башкирской делегации на этом не закончились. Еще в процессе подготовки коронационных торжеств в мае обер-егермейстер граф П. К. Ферзен обратился к губернатору В. А. Перовскому с просьбой министра императорского двора прислать башкирскую команду с ловчими птицами для организации царской охоты (в отличие от отца, новый царь был страстный охотник).

Перед отъездом императора из Москвы торжества закрывала царская охота. 14 сентября в присутствии императора, цесаревича, великих князей и иностранных послов запущенный башкирами беркут затравил лисицу, а ястребы четырех зайцев. По свидетельству Ферзена: *«Его императорское Величество охотой сею остался весьма доволен»* [НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 8735. Л. 7]. Башкиры получили денежное награждение, а зауряд-сотник Фахретдин Уметбаев — бриллиантовый перстень с изумрудом. Коронация демонстрировала Европе единство народов империи, ее этнографическое многообразие. Поражение в Крымской войне не пошатнуло устои, а православный царь делил радость охоты с мусульманами [Рахимов 2014: 498].

Коронация Александра III сохранила основные элементы предшествующих. Но теперь делегации *«азиатских подвластных России народов»* находились вместе с делегациями казачьих войск [Комаров 1883: 56, 151, 286]. К этому времени Оренбургскую губернию разделили, в 1863 г. упразднили Башкирское войско, отменив кантонную систему. Башкиры находились в делегациях от губерний, а не «азиатских народов». На обеде волостных старшин Мухаметсалим Уметбаев от Уфимской губернии преподнес императору серебряный альбом, в котором

золотом написал молитву на арабском и русском языках, за что был удостоен благодарности. За участие в качестве ассистента муфтия при священном короновании он получил серебряную медаль [Рахимов 2014: 498].

По мнению Р. С. Уортмана, эта коронация в презентации «националистического империализма» играла двойную роль, представляя азиатские народы иностранным наблюдателям и внушая представителям азиатских племен и казаков идею о мощи и богатстве русского царя [Уортман 2004: 299]. Для нас важно, что она служила маркером интеграции башкир (переход в разряд «сельских обывателей», как и у русских крестьян), но сохранила прежнюю традицию башкирских посольств к царю. Коронация Николая II в 1896 г. повторяла коронацию его отца, с выделением «азиатских народов» и казаков [Описание 1896: 9]. Башкиры оставались внутри депутатий от своих губерний.

9. Заключение

Башкирские посольства к царю XVII в. были связаны с представлениями башкир о необходимости каждый раз закреплять условия вхождения с новым царем. В какой-то мере такая практика была знакома и другим народам, входившим в состав государства. Особенностью башкирских посольств было то, что в них участвовали как представители элит, так и рядовые башкиры — выборные «мирские люди».

В первой трети XVIII в. правительство Петра I сменило политику в крае, запретив отправку посольств. Контакты башкирских элит с верховной властью интегрировались в практику «репрезентации власти» в виде коронационных торжеств. Но и там большая часть челобитных касалась общепашкирских дел. После запрета в 1736 г. народных собра-

ний на коронационные торжества отправлялись лояльные башкирские старшины.

Опасность возможного перерастания башкирских восстаний в общемульманское движение антироссийской направленности, что показало восстание 1755–1756 гг., заставило правительство вернуться к традициям XVII в., обговорив башкирские посольства с участием как старшин, так и выборных от всего народа. И в этих случаях башкиры поднимали вопросы важные для народа.

Верховная власть в лице Екатерины II предложила иные сценарии контактов с этническими и региональными элитами, вынося вопросы на обсуждение Уложенной комиссии. Встречи верховной власти с представителями народов стали возможны на военных смотрах и во время путешествий по стране.

Практика приезда башкир ко двору сохранилась в XIX в., но ни о какой выборности речь не шла. В ритуалах коронаций участвовали тщательно отобранные оренбургской администрацией лояльные властям представители элит — кантонные начальники, башкирские дворяне, лица духовного звания. Однако и в этом случае верховная власть акцентировала башкир как представителей Башкиро-мещеряцкого войска — героев Отечественной войны 1812 г., как хранителей древнего вида охоты, как народ, интегрировавшийся в имперское пространство.

Таким образом, пройдя за трехвековой период путь от попыток выработки консенсуса в политике, проводимой в крае государством, до ритуального участия в коронационных торжествах, практика башкирских посольств способствовала интеграционным процессам и одновременно сохраняла архаику. Все это наследие проявится в событиях XX в.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.
НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.
National Archive of the Republic of Bashkortostan.
Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

- Агеева 2012 — *Агеева О. Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М.: Новый хронограф, 2012. 891 с.
- Азнабаев, Кортунов 2021 — *Азнабаев Б. А., Кортунов А. И.* Проблема субъекта в договорных отношениях башкир с русским государством в XVII – первой трети XVIII в. // *Былые годы*. 2021. № 16(3). С. 1106–1115.
- Асфандияров 2006 — *Асфандияров А. З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
- Башкорт 2004 — Башкорт халык ижады (= Башкирское народное творчество) / ред. А. Сулейманов. Т. 7: Письменные касы и дастаны / отв. ред. А. Сулейманов. Уфа: Китап, 2004. 624 с. (на башк. яз.).
- Глинка 2004 — *Глинка С. Н.* Записки. М.: Захаров, 2004. 464 с.
- Демидова 2003 — *Демидова Н. Ф.* Башкирские посольства в Москву в XVII веке // *От древней Руси к России Нового времени*. Сб. ст.: к 70-летию Анны Леонидовны Хорошкевич / сост. А. В. Юрасов. М.: Наука, 2003. С. 169–182.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // *Оттиск из вып. 8. Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии*. Оренбург: Тип.-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Документы 2012 — Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798) / сост. И. М. Гвоздикова и др. Т. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 548 с.
- Ибнеева 2009 — *Ибнеева Г. В.* Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 469 с.
- Ильинский 1883 — *Ильинский Н. С.* Венчание и коронование русских государей на царство. Краткий исторический очерк. М.: Изд. книгопродавца В. Абрамова, 1883. 96 с.
- Исхаков 1998 — *Исхаков Д. М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: МестерЛайн, 1998. 276 с.

References

- Ageeva O. G. Diplomatic Ceremonial in Eighteenth-Century Imperial Russia. Moscow: Novyi Khronograf, 2012. 891 p. (In Russ.)
- Aznabaev B. A., Kortunov A. I. The problem of the subject in the contractual relations of the Bashkirs with the Russian state in the XVII – first third of the XVIII centuries. *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (3). Pp. 1106–1115. (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2021.3.1106
- Asfandiyarov A. Z. Bashkir Tarkhans. Ufa: Kitap, 2006. 160 p. (In Russ.)
- Suleymanov A. (ed.) Written Qissas and Dastans (Bashkir Folklore 7). Ufa: Kitap, 2004. 624 p. (In Bash.)
- Glinka S. N. Notes. Moscow: Zakharov, 2004. 464 p. (In Russ.)
- Demidova N. F. Seventeenth-century Bashkir embassies to Moscow. In: Yurasov A. V. (comp.) *From Ancient Rus' to Modern Russia. Collected papers. Jubilee edition*. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 169–182. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Bashkir Rebellion of 1735, 1736 and 1737. Orenburg: F. Sachkov, 1900. 104 p. (In Russ.)
- Gvozdikova I. M. et al. (comps.) Documents and Materials in Bashkir History, 1574–1798. Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2012. Vol. 3. 548 p. (In Russ.)
- Ibneeva G. V. Imperial Policy of Catherine II and Her Majesty's Travels. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2009. 469 p. (In Russ.)
- Ilyinsky N. S. Coronation of Russia's Rulers: A Brief Historical Essay. Moscow: V. Abramov, 1883. 96 p. (In Russ.)
- Iskhakov D. M. From Medieval to Modern Tatars, Fifteenth–Seventeenth Centuries: An Ethnological Perspective on the History of Volga-Ural Tatars. Kazan: Master Line, 1998. 276 p. (In Russ.)

- Комаров 1883 — *Комаров В. В.* В память священного коронования государя императора Александра III и государыни императрицы Марии Феодоровны. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1883. 469 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е. И. В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Материалы 1936 — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А. П. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. 631 с.
- Описание 1896 — Описание священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны. СПб.: Тип. А. Бенке, 1896. 32 с.
- Почекаев 2009 — *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. 260 с.
- Рахимов 2001 — *Рахимов Р. Н.* «Были в Москве... якобы от народу...»: Поездка башкирских и мишарского старшин в 1742 г. на коронацию императрицы Елизаветы I // *Ядкяр*. 2001. № 2. С. 34–43.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Российское 1985 — Российское законодательство X–XX вв.: в 9 тт. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1985. 511 с.
- Свиньин 1827 — *Свиньин П.* Историческое описание священного коронования и миропомазания их императорских величеств императора Николая Павловича и государыни императрицы Александры Федоровны, августа в 22 день, и всех предшествовавших и последовавших за сим торжествах и увеселений, в Москве, 1826 года // *Отечественные записки*. 1827. Ч. XXXI. № 89. С. 369–396.
- Соловьев 2017 — *Соловьев К. А.* Эволюция форм легитимности государственной власти в древней и средневековой Руси // *Вестник экономической безопасности*. 2017. № 2. С. 162–164.
- Komarov V. V. In Memory of the Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. St. Petersburg: V. Komarov, 1883. 469 p. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. 'By the Mercy of H. I. M. ...': Russia and Peoples of the Northern Caspian in the Eighteenth Century. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: D. Bulanin, 2005. 303 p. (In Russ.)
- Chuloshnikov A. P. (ed.) Materials in the History of the Bashkir ASSR. Pt. 1: Bashkir Uprisings, Seventeenth to Mid-Eighteenth Centuries. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russ.)
- Description of the Holy Coronation of Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. St. Petersburg: A. Benke, 1896. 32 p. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Law of the Golden Horde. Kazan: Fän, 2009. 260 p. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. 'Were in Moscow... Said to Represent Their People ...': Bashkir and Mishar foremen at the 1742 Coronation of Empress Elizaveta Petrovna. *Yadkyar*. 2001. No. 2. Pp. 34–43. (In Russ.)
- Rakhimov R. N. In White Tsar's Service: Military Service of Southeast Russia's Asians, Eighteenth to Mid-Nineteenth Centuries. Moscow: Russian Institute for Strategic Studies, 2014. 544 p. (In Russ.)
- Mankov A. G. (ed.) Russian Law in the Tenth to Twentieth Centuries. In 9 vols. Vol. 3: Acts of Zemsky Sobors. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1985. 511 p. (In Russ.)
- Svinyin P. Historical description of the holy coronation and confirmation of Emperor Nicholas Pavlovich and Empress Alexandra Feodorovna on 22 August 1826 in Moscow. *Otechestvennyye zapiski*. 1827. Vol. 31. No. 89. Pp. 369–396. (In Russ.)
- Solovyov K. A. Power in ancient and medieval Rus': Evolution of legitimacy forms. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2017. No. 2. Pp. 162–164. (In Russ.)

- Трепавлов 2007 — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007. 255 с.
- Трепавлов 2018 — *Трепавлов В. В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
- Уортман 2004 — *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фирсов 1871 — *Фирсов Н. Н.* Инородческое население прежнего казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Ученые записки Казанского университета. Т. VI. Казань: Университ. тип., 1871. С. 297–401.
- Шапшал 1953 — *Шапшал С. М.* К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. Сб. ст. / отв. ред. Н. А. Баскаков. М.: АН СССР, 1953. С. 304–316.
- Шмитт 2016 — *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 588 с.
- Trepavlov V. V. 'White Tsar': The Monarch, His Image, and Visions of Allegiance among Russia's Peoples, Fifteenth–Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 255 p. (In Russ.)
- Trepavlov V. V. Symbols and Rituals in Russia's Ethnic Policies, Sixteenth–Nineteenth Centuries. St. Petersburg: O. Abyshko, 2018. 320 p. (In Russ.)
- Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Moscow: OGI, 2004. 796 p. (In Russ.)
- Firsov N. N. Khanate of Kazan and its non-Russian natives in modern Russia before 1762 and prior to the colonization of Transkama region. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 1871. Vol. 6. Pp. 297–401. (In Russ.)
- Shapshal S. M. More on tarkhan jarliqs. In: Celebrating the 75th Birthday of Acad. Vladimir A. Gordlevsky. Collected papers. N. Baskakov (ed.). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Pp. 304–316. (In Russ.)
- Schmitt C. The Concept of the Political. St. Petersburg: Nauka, 2016. 588 p. (In Russ.)

